

(1) Андрей родился и рос в Калуге. (2) На окраине стоял бревенчатый просторный дом. (3) Запах смолы не выветривался, не уходил из него, хотя брёвна, из которых он был сложен, были очень старые.

(4) Когда приходила весна, весь дом наполнялся запахами земли, листвы, сада. (5) Комнаты были прохладные, полы крашенные, чисто вымытые, а в раскрытые окна бежал ветер.

(6) И теперь, когда Андрей стал взрослым, каждая новая весна несла ему эти незабываемые запахи его детства — земли, травы, ветра.

(7) Всё в мире открывала Андрею мать.

(8) «Послушай, как тихо», — говорила она. (9) И он понял, что тишину можно слушать.

(10) «Не зажигай света, посидим так», — просила она. (11) И он узнал, как хорошо посумерничать и помолчать вдвоём.

(12) Однажды поздней осенью они шли по лесу, по жёлтым лесным дорожкам. (13) Только выпал первый снег — тонкий, редкий, словно не снег,

а изморось. (14) И вдруг мама сказала:

— Посмотри, берёзовые листья как золотые пятаки на снегу. (15) Верно? (16) А кленовые — как будто след птичьей лапки. (17) А вот дубовый, распластанный, погляди.

— (18) Как след медведя! — сказал Андрей. (19) Мать ответила радостным смехом:

— Да, да! (20) Как будто медведь прошёл!

(21) Да, видеть это, радоваться этому тоже научила его она.

(22) Он не мог бы рассказать, как она воспитывала его, он и не знал, что его «воспитывают».

(23) Однажды, вернувшись из школы, он сказал:

— Мама, Елена Фёдоровна говорит: «Москвин, ты ведёшь себя примерно, я поручаю тебе после уроков приносить мне фамилии ребят, которые плохо ведут себя на перемене». (24) Что же мне делать? (25) Не стану я записывать.

(26) Мать ответила:

— Отчего же? (27) Пиши! (28) Да только всегда одну фамилию — свою собственную.

(29) Андрею стало весело — в самом деле, как хорошо и просто она придумала.

(30) А в другой раз было так. (31) Мать работала в саду — она сама выращивала цветы: ранней весной — незабудки, анютины глазки, летом — розы и флоксы, осенью — астры и георгины.

(32) Вернувшись из городского сада, где он играл с ребятами в казаки-разбойники, Андрей стоял и задумчиво глядел, как, сидя на корточках, она копается в земле. (33) Оба молчали.

(34) И вдруг, вскинув на него глаза, она спросила с мягкой насмешкой:

— А ты не устал стоять?

(35) Ему было тогда лет семь. (36) Пожалуй, никакой самый беспощадный укор не запечатлелся бы в его памяти так глубоко, как эти насмешливые слова.

(37) Однажды она рассказала Андрею историю английского капитана Скотта, который открыл Южный полюс на пятнадцать дней позже норвежца Амундсена. (38) Андрея долго не оставляла мысль о том, как они шли обратно — пятеро друзей по снежной пустыне на отяжелевших лыжах, обманутые в своей надежде, в своей мечте. (39) Подумать только: опоздать на пятнадцать дней!

(40) Он видел капитана, который, лёжа в палатке, оочевневшей рукой выводил на бумаге последние слова друзьям и родным. (41) Их нашли мёртвыми. (42) Кажется, через год. (43) Они лежали так, как их застала смерть, — обманутые, обессиленные, но не сдавшиеся. «(44) Тогда не было самолётов, — думал Андрей. — (45) Я бы сел на самолёт и полетел бы к ним. (46) Я приземлился бы и — вот она, палатка, я бегу, бегу туда, ноги вязнут в снегу...»

— (47) Капитан Скотт, — говорил он дрогнувшим голосом, — вы спасены! (48) Я советский лётчик! (49) Я прилетел за вами!

— (50) Как я рад! — отвечала за капитана Скотта мама. (51) Этот ответ казался Андрею легкомысленным, он ожидал слов более высоких, красивых, торжественных, а всё же он радовался, что она так быстро, так легко вошла

в игру, не придирается, не говорит: «Тогда ещё не было советских лётчиков», — нет, ей ничего не надо объяснять.

— (52) Помогите моим друзьям, — говорит она. — (53) Они вели себя мужественно!

(54) Да, да! (55) Именно так должен был отвечать капитан! (56) Первое его слово не о себе — о друзьях!

(57) И Андрей давал отважным исследователям лекарства, сажал их в самолёт, и они летели высоко над бескрайней снежной равниной.

(58) Проснувшись утром, Андрей слышал:

— Здравствуй, милый!

(59) Так говорила она и проводила рукой по его щеке. (60) И звук этого голоса он вызывал в своей памяти всякий раз, когда ему бывало трудно, уже много времени спустя после её смерти. (61) «Здравствуй!» — это слово означало, что начинался день, что они будут вместе. (62) И сейчас, уже взрослым, увидев чашку с молоком, он вспоминал ту, белую в красных горошинах чашку, которая ждала его когда-то на кухонном столе. (63) Придя из школы, он останавливался у порога и переобувался, чтобы не наследить в комнатах. (64) И горячая плита, и потрескивание дров, и чашка с молоком, и простое слово «Здравствуй!» — всё это наполняло его ощущением покоя.

(По Ф. А. Вигдоровой*)

* Фрида Абрамовна Вигдорова (1915—1965) — советская писательница, журналист.

Из предложений 22–29 выпишите один фразеологизм.